

⁷ *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. Киев, 1860. Т. 3. С. 14—15, 46—47, 63.

⁸ *Пушкин А. С.* Отрывки из писем, мысли и замечания // Указ. соч. Т. 7. С. 58.

⁹ *Пушкин А. С.* Гости съезжались на дачу // Указ. соч. Т. 6. С. 569; *Он же.* О дворянстве. С. 537; *Он же.* История Петра // Указ. соч. Т. 9. С. 413—415.

И. В. Дмитриевская

О НООСФЕРНОСТИ ПЬЕС А. П. ЧЕХОВА

Ранее в наших работах мы обращали внимание на ноосферность текста¹. Посылкой к определению ноосферности служит формулировка ноосферного закона: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество. Понимая ноосферу как системно организованное всеобщее², выделяем три уровня организации: концептуальный, содержательно представленный информацией, структурный — энергетический, субстратный — вещественный. Системообразующие уровни — концепт и структура, ноосферное единство управляется информационно-энергетическими процессами. Ноосфера порождает и поддерживает жизнь как внутри системы, так и в окружающей среде. Процессы, созданные трудом и разумом человека, но направленные на уничтожение жизни и целостности систем, на наш взгляд, неноосферны. В природе и обществе постоянно наблюдается как положительная, так и отрицательная динамика ноосферности: уровень ноосферности любого развивающегося явления может возрастать или уменьшаться в борьбе с неноосферными явлениями.

Определение ноосферы не опирается на метафизическую структурную традицию: ноосфера не есть обособленное «тело»,

© Дмитриевская И. В., 2008

Дмитриевская Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ФГОУ ВПО «Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева».

ограниченное пространственно. Ноосфера — качественно понимаемая вещь; ее важнейшие качества — сохранение целостности системы, ее жизнеспособности, гармоничное отношение между ее главными характеристиками — информацией, энергией, веществом (ноосферный закон). С этой точки зрения, ноосферными свойствами может обладать любое явление, в том числе и личность: ноосфера не вещь, но свойство или отношение. В каждом человеке свойство ноосферности может рождаться, расти или умирать. Между людьми также могут складываться ноосферные или неноосферные отношения. Среда обитания является ноосферной или нет, социум обладает разным уровнем ноосферности и т. п. Ноосферность относительна, и это не противоречит ее объективности: по диалектике свойства и отношения так же объективны, как и вещи³.

Ноосферный текст формирует ноосферное мироощущение и миропонимание. Прочитав его, человек ощущает прилив энергии, чувствует себя психологически целостным, духовно творчески настроенным, физически здоровым, жизнеспособным. Для того, кто воспитан в европейской культурной традиции, *путь жизни* — доминантная константа мироощущения и миропонимания. Именно на нее ориентировано содержание понятия «ноосфера».

Ноосферный текст обладает такими характеристиками: 1) жизнеутверждающим содержанием, 2) креативной, творческой функцией, 3) он строит, сохраняет или транслирует системно-информационную целостность, 4) в его содержании и форме реализуется ноосферный закон. Эта трактовка ноосферности вписывается в христианскую культурную традицию, согласно которой физическая смерть человека не предполагает духовной смерти, а является переходной ступенью к жизни вечной: «смертью смерть поправ». Восприятие ноосферного текста зависит от тезауруса реципиента, который должен быть открыт и релевантен для такой информации. Для этого нужны не только природные способности, но и желание их развить. Ноосферный текст воспринимается как любая другая специфическая информация, скажем, музыка, живопись, математика или иностранный язык.

Обладают ли признаками ноосферного текста пьесы А. П. Чехова? «Прекрасному человеку», как указывалось, прису-

щи признаки ноосферной личности⁴; в его характеристике выражается действие ноосферного закона: прекрасные душа и мысли — это информационно-энергетическая составляющая личности, лицо и одежда — вещественная. Прекрасные мысли и чувства генерируют энергетику души, которая структурирует вещество: человек красив, привлекателен, хорошо одет.

Признак ноосферности как конституирующий для личности героев А. П. Чехова динамичен. Некоторые из них ноосферны изначально и стабильны в этом качестве (Соня, сестры Прозоровы, няня Марина, Войницкий), другие утрачивают его (Иванов, Треплев), третьи боятся утратить (Астров), четвертые развивают в себе свойства ноосферного человека (Нина Заречная), пятые, утрачивая духовность, близки к полной утрате ноосферности (Елена Андреевна, Андрей Прозоров, Тригорин, Аркадина), шестые неноосферны или антиноосферны изначально (Серебряков, Наташа, Соленый).

В пьесах всегда существует персонаж, судьба которого является ключом к разгадке глубинного смысла произведения. Это природа. В «Чайке» — убитая чайка и живая, свободная и гордая птица, колдовское озеро; в «Дяде Ване» молодой лес Астрова и гибнущие леса; в «Трех сестрах» — далекая и прекрасная Москва и разрушительный пожар в провинциальном городе; в «Вишневом саде» — весенний, цветущий сад и он же, трещащий под топором. Природа ноосферна.

Судьба природы, отношение к ней героев пьес символизируют степень ноосферности самих героев и контекста, в котором они существуют. Ноосферные герои идут путем жизни и дарят жизнь окружающему миру. Неноосферные — разрушают природу, других людей и, в конечном счете, самих себя.

Примеры ноосферного отношения к природе.

А с т р о в. Вот ты глядишь на меня с иронией, и все, что я говорю, кажется тебе несерьезным и, быть может, это в самом деле чудачество, но когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немного и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью («Дядя Ваня»)⁵.

Т у з е н б а х. Мне весело. Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и ждет. Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь. Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если я умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе («Три сестры»)⁶.

Пример ноосферной личности — Соня из пьесы «Дядя Ваня».

С о н я. Что же делать, надо жить! Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других, а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, что бог сжалился над нами и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем. Я верую, дядя, верую горячо, страстно. Мы отдохнем, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка⁷.

Неноосферная личность — Соленый из пьесы «Три сестры».

С о л е н ы й. Он и ахнуть не успел, как на него медведь надел... Старик волнуется напрасно. Я позволю себе немного, я только подстрелю его как вальдшнепа. (*Вынимает духи и брызгает на руки.*) Вот вылил сегодня целый флакон, а они все пахнут. Они у меня пахнут трупом⁸.

Ноосферность второстепенных героев.

М а р и н а (*подходит к Серебрякову нежно*). Что, батюшка, больно? У меня у самой ноги гудут, так и гудут (*Поправляет плед*.) Это у вас давняя болезнь. Вера Петровна, покойница, Сонечкина мать, бывало, ночи не спит, убивается... Очень уж она вас любила. Старые, что малые, хочется, чтобы пожалел кто (*Целует Серебрякова в плечо*), а старых никому не жалко... Пойдем, батюшка, в постель... Пойдем светик... Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею. Богу за тебя помолюсь... («Дядя Ваня»)⁹.

Ф и р с. А Леонида Андреича еще нет, не приехал. Пальто на нем легкое, демисезон, того и гляди, простудится. Эх, молодо-зелено... («Вишневый сад»)¹⁰.

Признаки ноосферного диалога свойственны диалогам в пьесах А. П. Чехова. *Ноосферный диалог*, как и ноосферный

текст, обладает свойствами креативности, жизнестворности, способностью сохранять или восстанавливать психологическую целостность собеседников. Неноосферный диалог, напротив, разрушает личность, безинформативен, психологически тяжел. К ноосферным относятся диалоги сестер Прозоровых друг с другом, диалог Маши и Вершинина («Три сестры»), диалоги между Гаевым и Раневской, между Гаевым и Фирсом («Вишневый сад»), между Соней и Войницким, Соней и Астровым, няней Мариной и Серебряковым, няней Мариной и Соней («Дядя Ваня») и т. п. Неноосферные диалоги — между Соленым и Чебутыкиным, Соленым и Тузенбахом, Соленым и Ириной, Наташей и Ольгой («Три сестры»). Как ни странно, большая часть диалогов в пьесе «Чайка» — неноосферна: люди не понимают и не хотят понять друг друга и, более того, совершенно равнодушны к жизни другого. Таким же свойством обладают диалоги в «Иванове», от невозможности построить ноосферный диалог, понять другого, погибает главный герой пьесы. Утрачивая ноосферность, диалог вырождается в монолог, что указывает на психологическую смерть самого героя или его собеседника. Скажем, диалоги профессора Серебрякова с близкими явно неноосферны и ведутся с позиции *«поставы»*, когда профессор считает себя ведущим, доминантным собеседником, а окружающих низводит до уровня фона. Диалог постепенно вырождается в монолог, в котором высказывается убийственная для Войницкого и Сони идея о продаже имения («Дядя Ваня»). Так же внутренне монологичны реплики Соленого; он символизирует смерть, поэтому все его реплики неявно ставят резкую грань между жизнью и смертью, проявляют крайнюю степень непонимания им другого человека. Особенно это свойство проявляется в диалоге Соленого с Чебутыкиным, когда оба говорят о разных вещах («черемше» и «чехартме»), но Соленый упрямо не хочет принять абсурдности такого диалога («Три сестры»). Неноосферны диалоги Треплева с Аркадиной, в которых слова матери буквально убивают сына; Треплева с Ниной Заречной в финале пьесы «Чайка», где Нина фактически произносит монолог о том, как она понимает смысл жизни вообще и смысл собственной жизни в частности, не замечая, что больно ранит Треплева своей отчужденностью и равнодушием, и это

подталкивает Треплева к самоубийству. Динамика ноосферности-неноосферности, сведение диалога к монологу символизирует движения героя от жизни к смерти, показывает, что по мере осуществления «пути смерти» усиливается отчуждение и проявляется внутреннее одиночество человека. Творчески конструктивное стремление к уединению и самобытности вырождается в реальность разрушающего одиночества.

Пример ноосферного диалога — диалог между Машей и Вершининым в пьесе «Три сестры».

В е р ш и н и н. Так я говорю, какая это будет жизнь! Вы можете себе только представить... Вот таких, как вы, в городе теперь только три, но в последующих поколениях будет больше, все больше и больше, и придет время, когда все изменится по-вашему, жить будут по-вашему, а потом и вы устареете, народятся люди, которые будут лучше вас... Сегодня у меня такое особенное настроение. Хочется жить чертовски... (По-ет.) Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны... (Смеется.)

М а ш а. Грам-там-там...

В е р ш и н и н. Там-там...

М а ш а. Тра-ра-ра...

В е р ш и н и н. Тра-та-та... (Смеется.)¹¹.

Пример неноосферного диалога между Чебутыкиным и Соленым в пьесе «Три сестры».

Ч е б у т ы к и н. И угощение было тоже настоящее, кавказское: суп с луком, а на жаркое чехартма — мясное.

С о л е н ы й. Черемша вовсе не мясо, а растение, вроде нашего лука.

Ч е б у т ы к и н. А я вам говорю, чехартма — баранина.

С о л е н ы й. А я вам говорю, черемша — лук.

Ч е б у т ы к и н. Что же я буду с вами спорить, вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.

С о л е н ы й. Не ел, потому что терпеть не могу лука. От черемши такой же запах, как от чеснока¹².

А. Цофнас соотносит ноосферность с многоликостью Разума. Вслед за Ж. Делезом, провозгласившим «шизофрению» маргинальных разумных структур, он выделяет две основные ипостаси ноосферы — «теплую», порождающую «теплую картину мира», и «холодную», которая порождает «холодную картину мира»¹³. Первая связана с субъективностью, интуитивностью сис-

темообразующего отношения, эросом, поэтическим началом мировосприятия и т. п. Вторая, напротив, с рациональностью, системной завершенностью картины мира, логосом, объективностью и т. п. На наш взгляд, «холодный мир» — это, в конечном счете, мир, обездушенный и обезличенный, тот мир, к которому приводит некритичная технизация бытия и сознания, умерщвление «живого разума», изгнание из внутренней структуры личности «бога живого человека». Именно этот смысл обездушенного не столько разума, сколько рассудка, является причиной использования достижений науки и техники не во благо, а во вред человеку и человечеству, отрицательных последствий научно-технического прогресса. Эта ипостась научной картины мира вовсе не является ноосферной. Ноосферна лишь «теплая картина мира», в которой господствует чеховский «бог живого человека», поскольку она не бездушно креативна, а животворна.

Если провести параллель с творчеством А. П. Чехова, то не только в его драматургии, но и вообще в творчестве можно увидеть взаимодействие «холодного» и «теплого» миров, и соответственно, путь рассудка и путь сердца, путь смерти и путь жизни, путь неноосферного бытия и ноосферного бытия. У Чехова есть всецело ноосферные произведения, и далее можно выстроить в ряд произведения, в которых показано, как разрушается ноосферность бытия человека, каким образом человек с пути жизни встает на путь смерти. Причем, речь идет главным образом не о физической смерти, а о духовной и о смерти души. Смерть всегда знаменует переход от «теплой картины мира» к «холодной», напротив, воскресение, очищение, возрождение — переход к «теплому миру» из «холодного» или из хаоса и неопределенности.

Наибольшей ноосферностью из прозаических произведений А. П. Чехова обладает повесть «Степь». Мир дан глазами ребенка на уровне мироощущения, а не миропонимания¹⁴; сильно утверждение гармонии человека с природой, ноосферность выражена и на уровне субъекта восприятия мира и на уровне контекста, ноосферны и человек и природа. Налицо все свойства ноосферного человека в образе героя повествования Егорушки — креативность, жизнеутверждающее мироощущение, гармоничное слияние с природой, психологическая и физическая целостность, выражение ноосферного закона в последовательности событий,

безусловно, «теплая картина мира». Аналогично ноосферны произведения, в которых мир воспринимается глазами «природных существ» — животных («Каштанка», «Белолобый»).

Нарушение ноосферного мировосприятия, исчезновение «теплой картины мира» у Чехова связано с воздействием серого, будничного, бездуховного, размывающего контекста (например, рассказ «Ионыч»). Даже Егорушке Чехов (в письмах) не пророчит необыкновенной светлой жизни, считает, что его герой будет жить как все — буднично, или в конце концов сопьется. Другой вариант разрушающего контекста — не серое окружение, а само время, естественное старение («Скучная история»).

Герой «Скучной истории» профессор Николай Степанович размышляет: «В моем пристрастии к науке, в моем желании жить... и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинах, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человека. А коли нет этого, то, значит, нет и ничего»¹⁵.

Третий вариант движения человека к «холодной картине мира», по не-ноосферному пути — душевная болезнь, «бог живого человека» подменяется «дьяволом» («Палата № 6», «Черный монах»). Дьявол может быть внешним, все тот же будничный контекст непонимания («Палата № 6»), именно он разрушает личность и толкает на путь смерти, и внутренним, когда большой манией величия человек губит ноосферное окружение («Черный монах»). Герой «Палаты № 6» Иван Дмитриевич Громов страдает психозом навязчивых состояний, но в периоды просветлений разума или ремиссии — это очень умный, критичный, креативный человек и отличный собеседник. Болезнь искажает его психику, но сам он никого не разрушает, напротив, беседы с ним, когда он в спокойном состоянии, доставляют удовольствие. Собеседник — это врач, Андрей Ефимович Рагин, впоследствии тоже обитатель палаты № 6. Рагин, по существу, психически здоров: это тонко организованный, интеллектуальный, деликатный человек, единственной странностью которого является стремление избегать

общества грубых и навязчивых людей, действующих разрушающе на психику, да умение общаться с больным Грозовым, сохраняя и поддерживая в нем интеллект и волю к жизни в периоды ремиссии. И если Грозова в «холодный мир» палаты № 6 в какой-то мере толкнула болезнь, то Рагин попал в эту страшную реальность исключительно по воле близких, «друзей», деструктивного, неноосферного контекста. Чехов показывает, насколько неопределенна и подвижна граница между разумным существованием и безумием, как условны критерии того и другого, и как люди, лишённые «теплого сердца», могут ввергнуть ближнего в пучину безумия.

В «Черном монахе» критерии отличия «нормального» состояния от душевной болезни определены более четко. Герой рассказа, Коврин, болен манией величия. И хотя он в состоянии эйфории мыслит себя креативным, мудрым, сильным, счастливым, жизнеспособным и здоровым, талантливым и даже гениальным, беседуя с призраком, с черным монахом, пытаясь дать и самому призраку и своему состоянию материалистическое объяснение, — он безжалостно убивает то ноосферное окружение, в котором существовал раньше и которое любил: гибнет прекрасный сад Песочного, умирает тесть, тяжело заболевает жена Таня.

В повести «Степь» носителем ноосферности является сама природа — степь, и все населяющие ее существа одухотворены. Это и земля, и растения, и животные, и люди, которые, решая свои насущные и ежедневные проблемы, вынуждены передвигаться в этом бескрайнем, соизмеримом только с вечностью, пространстве. Но есть в этой повести люди — носители ноосферного мироощущения и миропонимания: сам Егорушка, священник о. Христофор Сирийский, счастливый молодожен Константин, случайно встретившийся обозу в степи, у костра, старик-возчик Пантелей. Всем присуще чувство гармонии с природой и благоговения перед жизнью, непосредственное постижение высшего закона бытия. Чехов своеобразно группирует образы героев повести, и в расстановке героев отчетливо виден принцип ноосферности. С одной стороны — это люди, занятые делом, — Иван Иванович, Варламов, — дело для них — смысл жизни. С другой стороны — люди, смысл жизни которых само бытие, слияние с природой и ощущение сути бытия через живое взаимодействие с

ним; дело для них как бы второстепенно, главное — само существование, ощущение жизни и счастья. Это Егорушка, отец Христофор, Константин, Дениска, Пантелей, возчики из обоза. В повести «Степь» ярко проявился пантеизм А. П. Чехова, содержательно тождественный ноосферному мировосприятию.

Подобным образом разворачивается внутренняя композиция и система образов в повести «Дуэль». Живым носителем свойства ноосферности выступает великолепная природа Кавказа. И как же диссонируют с ней характеры и поступки людей. Ни фон Корен, ни Лаевский, ни Надежда Федоровна не обладают свойством ноосферности, потому что не созидают, а разрушают жизнь. Хотя Лаевский и фон Корен психологически и сюжетно противопоставлены друг другу, один как носитель чувственного и эмоционального начала в интеллигенте, другой — сторонник рационализма, доведенного до жестокости и цинизма, — в реальности антиподами этой группы героев выступают смешливый, по-настоящему понимающий истинные ценности жизни молодой дьякон и великодушный, добрый, щедрый доктор Самойленко. Дьякон, тайно присутствовавший на дуэли Лаевского с фон Кореном, своим неожиданным появлением и отчаянным криком фактически предотвращает гибель Лаевского и спасает его от смерти, а фон Корена от греха убийства. Как и в повести «Степь», в «Дуэли» ноосферная идея тесно связана с религиозной. Но если в «Степи» — это пантеистическое мироощущение и миропонимание, то в «Дуэли» миропонимание христианское, евангельское. «Вся внутренняя направленность “Дуэли” глубоко христианская. Радостно удивляет тут в Чехове оптимизм, совершенно евангельский: «во едином часе может человеческая душа спастись, повернуть на сто восемьдесят градусов. Радует и то, как убедительно решил он труднейшую артистическую задачу — без малейшей натяжки и неестественности»¹⁶. В этих произведениях нет и намека на предмет нищезанятия — человекобога (в симпатиях к философии Ницше А. П. Чехов признавался неоднократно). Напротив, подчеркивается доминанта природного и божественного в душе человека, благоговение перед жизнью и, может быть, лишь в одном моменте просвечивает нищезанятийский контекст, в утверждении, родственном нищезанятийско-дильтеевскому, — смысл жизни в самой жизни, в ее всеобщности. Но это и ноосферный мотив.

Итак, граница между душевным здоровьем и болезнью определяется *мерой ноосферности* (неноосферности) существования. Психически здоровый человек ноосферен сам и создает ноосферную среду существования, больной — неноосферен сам или разрушает ноосферный контекст, а часто делает то и другое.

Что такое «бог живого человека» в аспекте ноосферологии? Это системообразующее отношение ноосферного бытия — то, что делает человека психологически и физически целостным, здоровым, жизнеспособным, креативным, действующим в соответствии с ноосферным законом. Метафорически выражаясь, «бог живого человека» создает «теплую картину мира». Можно рассматривать «бога живого человека» как конкретное воплощение ноосферного закона. Его действие явно просматривается в сюжете «Скучной истории». Пока в жизни Николая Степановича был «бог живого человека», он много занимался наукой (информация), блестяще читал лекции и выступал на диспутах (энергия), был здоров телом (вещество). Как только это системообразующее отношение исчезает, рассыпается и вся система: научные труды не приносят радости, так как не обладают новизной, трудно читать лекции, мучает болезнь и бессонница. Система превращается в *несистему*, ноосферный человек — в неноосферного, а, попросту говоря, в обывателя, которого заботят бытовые мелочи (деньги, свадьба дочери), раздражают сплетни и пустые разговоры и постепенно тают жизненные силы; информация перестает быть креативной; житейская мудрость Николая Степановича никому не помогает жить, в том числе и ему самому.

Диалектика ноосферности-неноосферности бытия, различные пути ее существования, метаморфозы, происходящие с нею, достаточно четко представлены в пьесах А. П. Чехова. В «Иванове» переход от ноосферного бытия к неноосферному совершается резко, скачкообразно: герой из активного, деятельного, жизнеспособного человека в течение одного года превращается в саморазрушающегося психастеника, который терзает близких (жена Анна, Саша) и, в конце концов, кончает самоубийством. Это не просто медицинская клиника, но социальное явление.

В «Чайке» процесс деноосферизации представлен более многогранно, но прослеживается некоторая общая закономерность: утрата ноосферности личностью или ее окружением непре-

менно связана с утратой «теплого мира», вне и внутри человека, со снижением духовно-нравственного потенциала либо самой личности, либо среды. Причем, поведение и целостность личностной структуры какое-то время существуют в границах нормы, не нарушаются. Например, К. Треплев — человек творческий, талантливый, и поскольку образ дан в динамике, то в конце пьесы мы видим, что Треплев вполне успешен как талантливый писатель. Но есть в его психике незаполненная лакуна — недостаток материнской любви. Это пространство «холода», смерти, неноосферности. Ничем не заполняясь (скажем, любовью Нины Заречной), оно постепенно распространяется на всю личность и губит ее.

Не такой скачок в неноосферное бытие совершают Аркадина и Тригорин. Оба креативны, талантливы, успешны, но равнодушны к судьбам близких: Аркадина — к сыну, Тригорин — к соблазненной и оставленной им Нине Заречной. Равнодушие — неноосферная пустота, которая разрушает если не физически, то духовно. Они представляют неноосферный контекст для окружающих — Треплева, Заречной, Сорина. Их равнодушие как вирус заражает других, и по природе ноосферные люди — Заречная и Треплев, отчаянно нуждаясь во взаимной любви, оказываются равнодушными к чувству тех, кто любит их: Нина Заречная равнодушна к чувству Треплева, Треплев равнодушен к чувству Маши Шамраевой, Маша равнодушна к мужу, Медведенко, и к своему маленькому ребенку, Дорн равнодушен к Полине Андреевне и т. п. И только Сорин всех понимает и всем сочувствует. Таким образом, неноосферный контекст растет, ширится и, в конечном счете, обрекает на смерть души и духа большую часть действующих лиц драмы. Ноосферными, хотя и физически надломленными людьми, остаются только Сорин и Нина Заречная.

Иначе выглядит эволюция ноосферности героев и их окружения в пьесе «Дядя Ваня». Общий фон и тон произведения более теплый, логика развития сюжета не столь убийственна по отношению к героям. В пьесе более определенно обозначен критерий «ноосферности», тот эталон доброты, в соответствии с которым герои могут оценивать степень человечности собственных поступков. С тех же позиций произвольно оценивает развитие событий и судеб зритель. Этот критерий человечности — няня *Марина*, которая готова примирить всех и вся, «согреть больные

ножки» и «напоить липовым чаем» всякого, кто нуждается в ласке и заботе, кому сиротливо и плохо на этой земле, Марина смотрит на мир «глазами Бога»: «Люди не помянут добром, зато Бог помянет», «Все мы у Бога приживалы» и т. п. Ее позиция вселенской любви усиливается смысловой нагрузкой образа Сони, призывающей к милосердию, терпению и вере Астрова, насаждающего леса, самоотверженно борющегося за жизнь каждого больного, самого Войницкого, сумевшего защитить себя и Соню от агрессии разрушения, и даже И. И. Телегина, «Вафли», бездумно, по-детски воспринимающего жизнь, в немыслимых ситуациях проявляющего великодушие. Контекст «теплого», ноосферного мира расширяется, и общий настрой пьесы более жизнеутверждающий, оптимистичный.

Представители «холодного», разрушающего мира — Серебряков и Елена Андреевна вынуждены ретироваться, отказаться от продажи усадьбы, оставить Войницкого и Соню в покое. Динамика образа И. Войницкого основана на внутренней динамике понимания им смысла бытия — от ложно понятого *внешнего смысла* как служения кумиру, к восприятию *внутреннего смысла* жизни как труда, терпения, принятия всего, что посылает судьба, далее к постижению *трансцендентального смысла*, состоящего в понимании того, что вся его по-видимости зря прожитая жизнь на самом деле не бессмысленна, потому что «дяде Ване» удалось сохранить духовно-нравственное кредо, которое воспримут и передадут в будущее новые поколения. Если проанализировать по признаку ноосферности-неноосферности все смыслы этой пьесы, то можно заключить, что в основе своей она — произведение жизнеутверждающее, оптимистичное, ноосферное.

В пьесе «Три сестры» тема ноосферности-неноосферности, «холодного» и «теплого» миров развивается. «Холодный мир» представлен такими персонажами, как Соленый, Наташа. В этом же направлении психологически движется Андрей Прозоров. Это люди, умирающие душевно, духовно-нравственно. Их физическая активность, стремление завоевать свое место, агрессивность обратно пропорциональны духовности. Соленый сам считает, что у него «руки пахнут трупом»; души нет, есть гипертрофированное самолюбие и жестокость. У Наташи — животный инстинкт самки (женщины, матери) и та же самая бездуховность,

безжалостность. Представители «теплого мира» более многочисленны, но так как они неагрессивны, деликатны, то проигрывают «холодному миру» жизненное пространство и вынуждены уйти. Люди «теплого мира» — сестры Прозоровы, Тузенбах, Вершинин, Чебутыкин. Сестры — умные, образованные, открытые, интеллигентные люди, их дом открыт для всех, кто нуждается в приюте, общении, и уже это свойство характеризует его теплоту. Тузенбах — самый «ноосферный человек», жизнелюбивый, оптимистичный, радостный; любит Ирину без взаимности, но даже это огорчение не разочаровывает его, он верит в «прекрасного человека» и прекрасное будущее. Вершинин — противоречив: с одной стороны, трогает его высокое чувство к Маше, его ум и критические мысли о судьбе России и интеллигенции, с другой, своим равнодушием и холодностью он мучает жену, семью. Чебутыкин странен, порою нелеп, но и в нем есть теплота: он любит дарить дорогие, никому не нужные подарки, при этом совершенно беден и даже не может заплатить за квартиру. Все эти люди в одночасье покидают сцену: сестры покидают дом, уезжают работать, Вершинин уходит вместе с военными, Тузенбах погибает на дуэли. Чебутыкин съезжает с квартиры. В доме остается семья Андрея Прозорова, а хозяйкой становится властная, внутренне грубая и жестокая Наташа, которая решает сразу же вырубить парк, старые, прекрасные деревья — липовую аллею, клен. По-видимости, холод и зло побеждают. Но лишь «пространственно», физически он сильнее. Но не духовно. В этой пьесе впервые возникает тема ухода людей «теплого мира», не умирания, но ухода со сцены, из пространства временности в пространство бесконечности, безвременности, *вечности*. Герои сохраняют внутреннюю сущность — теплоту, сердечность, духовность, нравственность, но утрачивают свою функцию в этом мире. Возникает понимание того, что в данный исторический период, на этой исторической сцене они не востребованы со всем их прекраснодушием. Но остается и понимание того, что эти теплые, умные, прекрасные люди, постаревшие и погрузневшие после того, что с ними произошло, не сломлены, не остаются в прошлом со своими качествами «прекрасного человека», а переносят «теплый мир» в будущее. Поэтому они уходят, сохраняя достоинство, психологическую целостность, духовный

потенциал и веру. Поэтому пьеса «Три сестры» имеет ноосферный смысл, производит жизнеутверждающее и жизнесоздающее действие.

Почему они уходят? Не лучше ли было остаться, побороться с «холодным миром», как Астров, дядя Ваня и Соня боролись с Серебряковым? Или остаться и продолжать свое маленькое дело жизни, постоянно противодействуя контексту бездуховности и смерти души? На наш взгляд, великий художник, знающий сердце человеческого, открывает некоторую общую закономерность. «Холодный мир» исторически неизбежен: вступая в свои права, он расширяется и захватывает все пространство бытия. Но полностью подчинить ему душу и разум нельзя, тогда исчезает сама человеческая сущность в каждом. Сохранить себя, духовную жизнеспособность, целостность бытия и человечность можно только уходя. Так и поступают любимые герои А. П. Чехова. Они уходят, но не побежденными, не несчастными. Просто срабатывает инстинкт самосохранения человеческого в человеке. Тем самым, утверждается «путь жизни», «путь сердца» для теплого мира. А «сердце в будущем живет». Холодный мир победил лишь пространственно. Истинное знание природы человека, понимание подлинной экзистенции, слияние сущности и существования на стороне «теплого мира» трех сестер. В пьесе «Вишневый сад» тема исчезновения «теплого мира» усадьбы и вишневого сада и их владельцев — Гаева, Раневской, Вари, Фирса — развивается. Носителей идеологии «теплого мира» остается немного, их противников — больше. В первых рядах холодных прагматиков Ермолай Лопухин и Петя Трофимов. Уходит из мира вишневого сада Аня. Разрушают старый мир и слуги нового типа — Яша, Дуняша, Шарлотта, Епиходов. С интересом и охотой вписывается в новые рыночные отношения Симеонов-Пищик. Но для Гаева и Раневской такая перестройка сознания непосильна: «это пошло». Им, с их сентиментальностью, непрактичностью, резонерством, мягкостью, неадекватностью оценок ситуации и самооценок, в жестком мире буржуазных отношений просто не выжить физически. Повторяется та же ситуация, которая намечена в пьесе «Три сестры»: люди «теплого мира» уходят психологически целостными, несломленными, сохранившими нравственно-духовные ценности как доминанту личностной структуры.

При таком прочтении пьесы главными антитезами действующих лиц являются пары: Гаев и Раневская — Лопехин, Гаев и Раневская — Петя Трофимов, Лопехин и Петя Трофимов. В деловых и денежных отношениях Гаев, Раневская, безусловно, проигрывают Лопехину. Но Чехов группирует образы и на основе психологии. И здесь становится очевидным, что на «пути сердца» Лопехин, как и Трофимов, просто недееспособны, безусловно проигрывают людям «теплого мира». Отношения Лопехин — Раневская, Раневская — П. Трофимов идентичны отношениям Треплев — Аркадина. И у того, и у другого огромная психологическая пустота, «сердечная недостаточность», неутоленная потребность в материнской любви, незащищенность. В отличие от Аркадиной, Раневская не холодна душой, хорошо понимает людей и готова психологически поддержать, защитить того и другого. Хотя Лопехин и хозяин жизни, и преуспевающий делец, он начисто лишен нравственного чувства и даже понятия об элементарной этике. На конструктивный диалог с людьми «теплого мира» он не способен, в этом смысле одинок, не решается даже сделать предложение Варе. Чехов, по-видимому, правильно отметил, что «в России купцы и мужики не живут долго». Трофимов, в отличие от Лопехина, не приспособлен к жизни, «вечный студент», человек бедный, но очень хорошо понимающий сущность хищнической природы «лопехиных». Он слишком рассудочен, поэтому и принадлежит к «холодному миру», его душа спит. По словам Раневской, он «недотепа», который еще не пропустил через свое сердце ни одного человеческого горя, по-настоящему не страдал. Уровень ноосферности этих героев низок. Возможно, они на какое-то время овладеют социальным пространством, но мир держится не на них, и ноосферное будущее России не за ними. Не может быть ноосфера холодным миром меркантилизма и грубого расчета, равно как миром абстрактных деклараций грядущей светлой жизни.

Как и прежде, люди «теплого мира» уходят со сцены в «никуда», Фирс уходит совсем. Единственное, что можно понять из текста, — они не сломлены и уносят с собой лучшие качества «прекрасного человека» — прекрасные мысли и прекрасное сердце: доброту, тепло, понимание, радость общения, любовь к родному дому, саду, друг к другу, к миру. Текст пьесы субстрат-

но открыт: она имеет продолжение в жизни, лучшие человеческие качества ее героев нужны всегда, они вневременны и принадлежат вечности.

Критика рассматривала творчество Чехова как отражение «беспощадно текущего времени»¹⁷. Возможна другая точка зрения — рассмотреть его с позиции «вечности». Тогда тексты А. П. Чехова приобретают другой смысл, и за маской «певца безысходности» и «сумеречных, больных людей» просматривается ироническая улыбка критически настроенного по отношению ко всему временному человека, а потом и душа А. П. Чехова, бесконечно влюбленного в «прекрасную жизнь» и «прекрасного человека».

Вспоминается мысль В. Маклакова, приведенная в статье И. Бунина «Освобождение Толстого». Л. Н. Толстой считал, что «все, что может быть отнято у нас смертью — богатство, слава и т. п. и при жизни не имеет смысла, а если жизнь бессмысленна, то и жить не стоит»¹⁸. Это проблема трансцендентального смысла бытия. В уходящих героях А. П. Чехова есть то, что не может быть отнято смертью, — человечность.

Заключая размышления о ноосферности текста чеховских пьес, отметим, что каждая из них, несмотря на видимую незавершенность, трагичность финала, обыденность диалогов, вяло развивающееся действие и внешнюю бессобытийность, имеет четкую композиционную структурированность, системную целостность. А это — важнейший признак ноосферного текста. Главные положительные герои определены в основном качестве — духовно-нравственным.

Примечания

¹ *Дмитревская И. В.* Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново, 1985; *Дмитревская И. В.* Ноосферный текст // Реалии ноосферного развития. М., 2003.

² *Дмитревская И. В.* Ноосфера как системно организованное Всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново, 1997.

³ Иное, не менее интересное универсумное понимание ноосферы дает Г. С. Смирнов.

- ⁴ Характеристики ноосферного человека и ноосферной личности даются в работах Г. С. Смирнова и В. Н. Волкова (*Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность. Иваново, 1998; *Волков В. Н.* Онтология ноосферной личности // Ноосферная идея и будущее России. Иваново, 1988. С. 140—143).
- ⁵ *Чехов А. П.* Пьесы // Собр. соч.: В 6 т. М., 1955. Т. 6. С. 162.
- ⁶ Там же. С. 258—259.
- ⁷ Там же. С. 200—201.
- ⁸ Там же. С. 257.
- ⁹ Там же. С. 167.
- ¹⁰ Там же. С. 303.
- ¹¹ Там же. С. 243—244.
- ¹² Там же. С. 232.
- ¹³ *Цофнас А. Ю.* Идея ноосферы и шизофрения разума // Ноосферная идея и будущее России.
- ¹⁴ О системной сущности миропонимания пишет О. Разов (*Разов О. С.* Системный анализ проблемы миропонимания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 1999).
- ¹⁵ *Чехов А. П.* Избранные произведения. М., 1936. С. 236.
- ¹⁶ *Зайцев Б.* Чехов // Зайцев Б. Далекое. М., 1991. С. 330.
- ¹⁷ *Бунин И. А.* О Чехове // Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 198.
- ¹⁸ *Бунин И. А.* Освобождение Толстого // Там же. С. 109.